

Я недаром вздрогнул от слова «Беларусь»! —
За неё и за Россию я душой молюсь.
В слове белоснежном — вся святая Русь,
В верности сыновней с детства ей клянусь...
А. Матвеев

Признаюсь честно: не люблю азартные игры, спортивные соревнования, литературные конкурсы. Поэтому за восемьдесят пять лет моей жизни и годы членства в Союзе российских писателей ни в одном из них не участвовал. Если не считать работу в жюри конкурсов рассказов и стихов в качестве судьи по присвоению баллов за каждое творение безымянного автора, ежегодно проводимых альманахом «Новый Енисейский литератор». А вот письмо с рассылкой по e-mail с приложением условий гомельского конкурса от главного редактора «НЭЛ» и моего давнего друга Сергея Кузичкина подстрекнуло меня поднять перчатку для выхода к барьеру для словесной дуэли с неизвестными «дуэлянтами». Из любви с детских лет — с первых месяцев Великой Отечественной войны — к эвакуированным с мамами в Татарстан, в вятский городишко Мамадыш, моих

одноклассников, друзей-белорусов Виля Захарова и Вити Баранова.

26 марта 1943 года в атаке на Курско-Орловской дуге осколком мины в затылок был убит мой двадцатидвухлетний брат Кирилл Матвейчев, с рождения заменявший мне отца. Его гибель послужила основанием для моего поступления в сентябре 1944 года в Казанское суворовское военное училище. И там Белоруссия стала для меня ещё родней. Ведь в этом российском училище я навсегда породнился с моим незабвенным братом-кадетом Джимом Костяном. Он, мой ровесник из Беларуси, приехал в татарскую столицу из недавно освобождённого Красной Армией от немецких оккупантов Слуцка для поступления в только что организованное суворовское училище. И был принят — как сын погибшего в небе осаждённого фашистами Сталинграда отца, лётчика-бомбардировщика.

От друга я впоследствии узнал, что необычные для тридцатых годов двадцатого века имена для православных белорусов он, Джим, и сестра его Жанна получили по прихоти сентиментальных родителей. Их будущие мама-папа посмотрели какой-то зарубежный фильм о влюблённой паре — Жанне и Джиме. Поженились — и, с разницей в два года, подарили эти имена своим сыну и дочке, не менее красивым, чем их зарубежные тёзки. Во всяком случае, недаром же кто-то из завистников присвоил моему другу кличку «Красавчик Джим». Только она почему-то приводила его в бешенство и к кулачным поединкам с обидчиками. Хотя в этом словосочетании не было никакого преувеличения: Джим действительно был самым красивым брюнетом нашей третьей роты. И заявил кадетам своего второго взвода, чтобы они называли его моим именем — Сашкой. А официальное оформление этой метаморфозы Джим намеревался осуществить после окончания суворовского. Выпуск совпал с наступлением нашего совершеннолетия.

...Зато когда нам было по четырнадцать лет, при создании по моей инициативе «Союза пиратов» из трёх лиц его имя не нуждалось в изменении. Тогда как я присвоил себе

кликуху капитана Джона Олда. А краснодарец Борька Динков, автор «Гимна пиратов», в будущем фотожурналист и автор статей, в памяти восьмидесяти шести выпускников третьей роты СВУ в 1951 году навсегда остался Бобом.

Белорус Джим так и не поменял своего имени. Зато только он, Джим Костян, из нашего пиратского триумвирата окончил СВУ с золотой медалью. Только он сделал реальностью свою мечту пойти путём своего отца: окончил училище реактивных бомбардировщиков в Энгельсе и стал высококлассным лётчиком, подполковником, мастером парашютного спорта. И отцом троих прекрасных детей...

Восьмидесятипятилетнему автору этого короткого курса в дела давно минувших дней довелось после окончания казанской кадетки встретиться с Джимом дважды. В первый раз — в Казани, на очередном юбилее училища. Тогда он красным солнышком появился на один день в шикарной форме майора-летуна, с орденом Красной Звезды и гвардейским значком на груди. И так же внезапно растворился в сумятице нетрезвого празднества.

Зато после двухлетнего трудового подвига инженером на никелевом комбинате в тропической Республике Куба мы с моей второй женой и дочкой после встречи в Москве слетали в солнечную, словно по заказу, Ригу. Джим встретил нас в аэропорту за рулём своих красных «Жигулей» и доставил в квартиру в пятиэтажке неподалёку от Рижского взморья. Здесь он обитал в заботах о второй жене и их грудной дочке. Он подполковником вышел в отставку, а жена продолжала — после декретного отпуска — работать медсестрой в больнице. И он, приземлившийся с небес сокол, адаптировался интендантом-тыловиком и нянькой по обеспечению семейного быта. Для меня и Джима эта последняя встреча превратилась в тот самый праздник, который всегда с нами. В некоем виртуальном доме, где «до дней последних гонца» радуют сердца и души дружба, любовь и верность.

пос. Памяти 13 борцов, Красноярский край, 18 февраля 2018